

УДК 395(410)
ББК 63.5(3)
Г93

Ruth Goodman

HOW TO BEHAVE BADLY IN RENAISSANCE BRITAIN

© Ruth Goodman 2018

Гудман, Рут.
Г93 Искусство провокации : [как толкали на преступления, пьянствовали и оправдывали разврат в Британии эпохи Возрождения] / Рут Гудман ; [пер. с англ. А. В. Захарова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. : ил. — (Путешественники во времени).

ISBN 978-5-04-096595-3

В каждой эпохе среди правителей и простых людей всегда попадались провокаторы и подлецы — те, кто нарушал правила и показывал людям дурной пример. И, по мнению автора, именно их поведение дает ключ к пониманию того, как функционирует наше общество.

Эта книга — блестящее и увлекательное исследование мира эпохи Тюдоров и Стюартов, в котором вы найдете ответы на самые неожиданные вопросы:

Как подобрать идеальное оскорбление, чтобы создать проблемы себе и окружающим?

Почему цитирование Шекспира может оказаться не только неуместным, но и совершенно неприемлемым?

Как оттолкнуть от себя человека, просто показав ему изнанку своей шляпы?

Какие способы издевательств над проповедником, солдатом или просто соседом окажутся самыми лучшими?

Окунитесь в дерзкий мир Британии эпохи Возрождения!

УДК 395(410)
ББК 63.5(3)

ISBN 978-5-04-096595-3

© Захаров А. В., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Оглавление

Введение 7

Глава 1

Оскорбительная речь 14

Глава вторая

Непочтительные,
грубые и угрожающие жесты 67

Глава третья

Насмешки и пародии 112

Глава четвертая

Неприкрытое насилие 154

Глава пятая

Отвратительные привычки 208

Глава шестая

Отталкивающие тела 243

Заключение

Полнейший мерзавец 284

Библиография 297

Список иллюстраций 302

Предметный указатель 307

Благодарности 315

ВВЕДЕНИЕ

Добро пожаловать в век плохого поведения. Забудьте рассказы о великих и добрых: это история далеко не идеальных людей и их изъянов. Людей, чьи проступки заводят нас дальше в их мир; людей, которые покажут нам, как сумели найти в жизни свою нишу и какие мысли и чувства управляли ими.

Ибо за знаменитым блеском воротников и шелковых одежд, за преданными делу религиозными реформаторами, политическими визионерами и великими литераторами 1550—1660 годов прячется все остальное человечество и человеческие переживания во всей их неряшливой славе и поблекшем сиянии. Англия XVI—XVII веков была местом энергичным, склонным к экспериментам и расширению горизонтов... и полным мелочных, невоспитанных, раздражающих и непочтительных хулиганов, щеголей и старых ведьм. И я их всех обожаю.

В каждой эпохе и в каждом социальном слое есть свои паршивые овцы — те, кто нарушает правила и гладит всех против шерсти. Людей, которые не вписываются в общество, полно не только в современной жизни, но и в истории. Есть те, кто искренне не понимает общественных условностей своего времени, и у них просто не получается следовать всем тонкостям и неписанным правилам повседневной жизни, но есть и те, кто умышленно и сознательно пренебрегает всеми правилами поведения. Иногда такие «пренебрегатели» действуют в одиночку — непокорные личности, которые упорно торят свою дорогу, в роде

Мэри Фрит, которая курила, пила, ходила развязной походкой и регулярно появлялась на публике в мужских брюках, поражая и интригуя сограждан. Иногда люди нарушали правила вместе, выражая непокорность и формируя тем самым собственную групповую идентичность — например, ленивые, высокомерные юноши из «Проклятой шайки», которые пили, дрались и гоняли мирных жителей в столице, или протестанты из серии «я святее тебя», которые раздражали соседей своей полной уверенностью в моральном превосходстве. Одни искали способы обойти правила ради собственной выгоды, других на проступки вынуждали обстоятельства. Нарушение нормальных правил может иметь множество причин и мотивов. Но правила есть правила.

Общество в любой стране и в любое время управляется сложными пересекающимися правилами поведения. Некоторые из этих правил — совершенно открытые и явные, подкрепленные законной силой; другие, порожденные религиозной верой и пониманием, не так очевидны и граничат с миром необъяснимых табу. Третьи правила появились благодаря якобы фактической интерпретации окружающего мира, согласно которой некоторые модели поведения являются правильными и «естественными», а другие — извращенными и странными. Некоторые из этих правил давно утратили рациональное объяснение, но остаются в качестве традиций — правила, которые требуют покорности, потому что «мы всегда так делали». Многие из них подразумеваются или понимаются, а не формально высказываются: их выучивают по реакции семьи, соседей, коллег, врагов и друзей. Правила есть у любой формы социального общения — от вывешивания постиранного белья на общем дворе до посиделок с друзьями в пивной. Самые понятливые и способные люди могут взять все эти переплетенные, а иногда и противоречащие друг другу правила и превратить их в идеальное выражение уверенности и принадлежности — по крайней мере в течение некоторого времени. Ибо в прошлом, равно как и сейчас, мало кому удавалось вести себя идеально при каждой встрече и в любой ситуации.

Я втайне сочувствую всем им: тем, кто в блаженном невежестве творит что попало, несмотря на неодобрительные взгляды;

тем, кому очень неловко, и они с удовольствием бы следовали правилам, если бы знали как; отъявленным грубиянам, для которых неподчинение важнее всего в жизни; создателям новых правил, которые хотят изменить мир; расчетливым карьеристам, которые тщательно выбирают, когда быть хорошими, а когда — плохими; разъяренным людям, которые уже даже не пытаются сдерживаться; комедиантам, которые просто веселятся; наконец хулиганам, которые просто не могут не выкинуть что-нибудь эдакое.

Это книга для всех и обо всех них. Это исследование писаных и неписаных правил тюдоровской и стюартовской Англии — и того, как люди их нарушали. Это не история преступного поведения как такового, хотя некоторые действия, описанные в этой книге, в самом деле довольно сомнительны с юридической точки зрения; скорее это история всех мелочных, антисоциальных, раздражающих способов борьбы с превалирующей общественной моралью. А поскольку оскорбления и смысл этих оскорблений неразрывно связаны с мелкими деталями поведения, вы на этих страницах найдете пошаговые инструкции «Как быть невозможным и раздражающим». Мы в подробностях рассмотрим разнообразные способы опозорить родителей, насмеяться над благочестивым священником, вызвать отвращение у гостей за ужином и унижить врагов. Будут здесь и инструкции по драке в различных стилях, чтобы вы смогли отбиться от городской стражи или, по крайней мере, запугать непосвященных, чтобы они оставили вас в покое. Есть и шпаргалки по словесным оскорблениям, которые помогут не только пополнить словарный запас, но еще и понять, какие темы в каких случаях затрагивать, чтобы лингвистическая атака вышла особенно острой. Вы найдете советы, как одеться настолько неэлегантно, чтобы чопорные родители пришли в ужас, а также диаграммы грубых жестов, чтобы вы могли показывать их с максимальной точностью и эффективностью. По сути, вы получите инструментарий, который позволит вам маневрировать вдоль внешних краев общества и просачиваться в щели.

А почему именно эти сто лет? О, это очень личная тема. Мне всегда было трудно сформулировать, почему именно этот пери-

од английский истории так привлекает мое внимание и дорог сердцу и душе. Но так оно и есть, и я надеюсь, что он так же привлечет и вас. Я обожаю это сочетание экзотических отличий, смешанных с чем-то почти знакомым; можно проследить, как идеи, слова, модели поведения и привычки, которые на первый взгляд кажутся такими чуждыми, тихой сапой проникают в современный мир. Очень многое из образа жизни XXI века можно понять, разобравшись в этой эпохе. Наши нынешние бренды религии и нерелигиозности сформировались в то время. Тогда появились новые формы поклонения, новые символы веры и религиозные практики — тогда же развилось и почти инстинктивное недоверие к фундаментализму и слишком рьяным проявлениям духовности. Именно в те годы зародился секуляризм, а также квакеры и баптисты различных деноминаций.

О нашей форме демократии тоже впервые заговорили (причем далеко не всегда мирно) как раз в те времена. Идеи о праве голоса для всех мужчин (увы, не для женщин) высказали в 1640-х годах. Представительство и налогообложение как принципы тесно переплелись, и монархии пришлось сделать несколько больших шагов назад и поступиться властью. Последствия этой борьбы и споров для всего мира были очень далеко идущими и проявляются до сих пор.

Нельзя всерьез отрицать и влияние лингвистической эволюции, которая проявила себя на улицах, в театрах и на печатных страницах, лучась энергией и креативностью, и на волнах торговли и колонизации эта эволюция ушла очень далеко от британских берегов.

Все эти великие явления, помимо всего прочего, не были прерогативой лишь богатой элиты. Люди самого скромного происхождения находили способы быть услышанными и высказывали мнения о самых важных вопросах. Пожилая бедная вдова, находившаяся на самом дне социальной кучи, могла участвовать в самых глубоких духовных рассуждениях и находить службы и дебаты, которые ее наиболее устраивали. Те, кто предлагал самые радикальные политические идеи, чаще были выходцами из мастерских, чем из усадеб. Величайшие поэты и драматурги той

эпохи тоже были людьми самого разного происхождения и часто имели довольно-таки сомнительное и неполное образование.

Несмотря на жесткую иерархию и крепко укоренившееся женоненавистничество, то была эпоха с удивительно большим пространством для маневра. В иерархии были зазоры, в которых смелые, целеустремленные и удачливые могли найти возможности для независимых мыслей и действий. В ту эпоху было более чем достаточно потрясений, насилия и драматичных моментов. Медицина была ужасной, а болезни и эпидемии, с которыми приходилось иметь дело этим плохо подготовленным медикам, были чуть ли не самыми опасными и неприятными за всю историю. Угрозы вторжения оказались лишь прелюдией к болезненной гражданской войне, которая расколола страну, а более драматичных исторических моментов, чем обезглавливание короля, найти довольно трудно.

Все это хорошие аргументы в пользу выбора временного периода, но меня лично занимают еще и более мелкие темы — например, мотивация отдельных людей в этот критический момент истории. Я хочу знать, почему наши пращурсы поступали именно так, а не иначе. Как все это совмещалось в их мировоззрении? Я хочу знать, что происходило в головах людей; хочу знать, что их беспокоило, как они понимали свой мир. Я очень обрадуюсь, узнав, что радовало их сердца, а что — раздражало и злило. Мною снова и снова движет желание понять человеческий опыт этой быстро развивавшейся культуры.

Плохое поведение может быть куда более информативным, чем мир респектабельного конформиста, ибо именно те люди, которые пытаются выбраться за границы культурного этикета, наиболее точно показывают, где же проведены эти самые границы. Очень легко, например, не обращать внимания на роль поклонов в отлаженном механизме общества, пока вы не встретите нескольких человек, которые отказались кланяться. Их упрямое отрицание этого вроде бы тривиального жеста вежливости вызывало возмущение, гнев и насилие, и по тому, насколько неистовы были эти чувства, сразу можно понять, что поклоны — это не просто случайная прихоть. Эти случаи непочтительности показывают нам, насколько важную роль

играли поклоны в поддержании порядка и общественном сотрудничестве.

У тех, кто все-таки кланялся, мы найдем множество более тонких способов оскорбить, осмеять или подорвать основное послание, лежащее в основе поклона. Те, кто был слишком небрежен в своих поклонах, и те, кто слишком нарочито усложнял этот жест, помогут нам увидеть большую линейку смыслов — от уважения до презрения, — заключенных в этом всем известном способе взаимодействия. Плохие поклоны очень многое говорят о личных напряжениях внутри общества, общении между разными социальными группами и о том, где пролегают границы.

Вооружившись пониманием разнообразных форм плохо исполненных поклонов, мы сможем разобрать аспекты жизни при Тюдорах и Стюартах, которые оставались неозвученными. Когда королева Елизавета заставила французского посла оставаться в глубоком поклоне пятнадцать минут, прежде чем наконец дать ему знак, который позволял подняться, она говорила о своем политическом недовольстве и о том, что не собирается поддаваться международному давлению, которое пыталась оказать Франция. В свою очередь, посол, удерживая позу все эти пятнадцать мучительных минут, вынес это недовольство с достоинством и гордостью, соответствующей положению — как его лично, так и страны. То была высшая степень политической драмы, причем без единого произнесенного слова. Вот лишь один пример того, какую коммуникативную силу имеют обычаи; поклоны могут также выражать приверженность традиции, предпочтения мимолетной моды, политические взгляды или непокорность. Все эти смыслы ускользнули бы от нашего внимания, если бы не люди, которые не подчинялись обычаям и использовали иностранные или неуместные в данном случае формы, которые насмехались над офранцуженной женственностью или крестьянской неуклюжестью чужих поклонов, которые делали реверансы небрежно или с ухмылкой.

Если поклоны кажутся вам неожиданной формой общения, уязвимой для всякого рода иронии, то не беспокойтесь — это всего лишь один пример из целого мира «невоспитанного общения», который открывает окно в прошлое. Другие формы языка

тела, от неприличных жестов до мимикрии, от высмаркивания носа до выбора шляпы, вкупе со словесными промашками и откровенными оскорблениями, расскажут нам кое-что о том, что думали и чувствовали тогдашние англичане. Социальное общение состоит из множества мелочей и огромного количества еще более мелких нюансов. Когда люди идеально соблюдают манеры, полностью подчиняясь всем общественным правилам, их поведение по большей части принимается как должное и комментируется лишь самыми общими словами. А вот плохое поведение привлекает намного больше внимания и намного более подробные дискуссии и анализ. Гнев, отвращение, омерзение, глубокое смятение — все эти чувства раз за разом выражаются людьми, которым очень хочется, чтобы другие были более воспитанны. Раздражение и недовольство заставляют людей раздражаться печатными (и непечатными) тирадами, а гармония и покой — нет.

К счастью для нас, не существует золотого века, в котором все жили в мире и гармонии, нет эпохи, где манеры были идеальны. Речь никогда не была свободна от сквернословия, а одежда всегда была сексуально провоцирующей. Рассматривая выходки пьяных крестьян в пивнушках и хулиганствующих аристократов в тавернах, прислушиваясь к оскорблениям, которыми бросаются на улицах, мы получим более объемную, полную картину британского Возрождения и, возможно, поймем, почему же эта эпоха оказалась такой особенной.

Глава 1

ОСКОРБИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ

Любой, кто пытается выучить новый язык, знает, что грубые слова как-то особенно западают в память, даже когда вы не можете вспомнить, как заказать кофе с булочкой в кафе. Британия эпохи Возрождения говорила по-английски, но язык с тех пор пережил достаточно неуловимых изменений, чтобы стать не очень понятным для современных людей. Если мы хотим по-настоящему понять умы тюдоровской и стюартовской эпохи, нам понадобится определенное время, чтобы «настроиться» и раскодировать множество лингвистических причуд и сдвигов. Так что давайте начнем с самого простого — грубых слов.

«Какашка у тебя в зубах»

Какой замечательный способ начать! Эту фразу выкрикивали на улицах, чтобы шокировать и вызвать отвращение. Как вы могли не отшатнуться, если бы кто-нибудь выкрикнул вам такое прямо в лицо? Причем на английском фраза еще и звучит так, что ее лучше всего произносить громко, гневно, даже брызгая

слюной: «A turd in your teeth!» Это оскорбительная речь в самой сырой, приземленной, агрессивной и публичной форме. Можно, конечно, было начать с чего-нибудь намного более узнаваемого — и намного менее реального.

Многие из вас знакомы с остроумным, изобретательным языком оскорблений и шуточных ответов у Шекспира и других писателей эпохи Возрождения. Возьмите, например, «Генриха IV», часть первую, и увидите, что буквально в одной сцене Фальстаф называет своего друга Бардольфа «бесперывным факельным шествием, вечным фейерверком», потому что у того красный нос, и разглагольствует на эту тему еще минут десять. Потом он ругает хозяйку дома, заявив, что «честности в тебе не больше, чем сока в сушеном черносливе», и сравнив ее с выдрой, которая ни рыба ни мясо, потом называет принца «болваном» за глаза и «рычащим львенком» в лицо. Всю эту красоту он перемежает ругательствами вроде «'s blood» и «God-a-mercy!»¹ Но есть во всем этом что-то совершенно не угрожающее и комичное. Это всего лишь бахвальство, и только самые религиозные или лишенные всякого чувства юмора люди, как современники Шекспира, так и наши, по-настоящему оскорбятся.

Насмехаться над чьей-то внешностью не очень-то хорошо, но когда насмешки оригинальны, разнообразны и умны с лингвистической точки зрения, они ранят куда слабее. Собственно, обзывательства могут превратиться в обычную игру. «Этот краснорожий трус, этот лежебока, проламывающий хребты лошадям, эта гора мяса», — восклицает принц Генрих в более ранней сцене, насмехаясь над огромным брюхом Фальстафа, и получает в ответ оскорбления из-за своей сравнительной худобы: «Провались ты, скелет, змеиная кожа, сушеный коровий язык, бычий хвост, вяленая треска! Ух! За один дух не перечислишь всего, с чем ты схож! Ах ты, портновский аршин, пустые ножны, колчан, дрянная папира!» Эти сравнения весьма язвительны, потому что перечисляемые предметы не только длинные и тонкие, но еще и полые и пустые внутри,

¹ Сокращения от «God's blood» («Божья кровь») и «God have mercy» («Господи помилуй»). — примечание редактора.